

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.002
УДК 821.161.1.0 Ростопчина “18” + 821.161.1.09 +
+ 821.161.1-3

М. Ю. Попова
С. И. Ермоленко
*Уральский государственный
педагогический университет*
Екатеринбург, Россия

ДИНАМИКА ОБРАЗА СТЕПИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

Динамика степного хронотопа в творчестве Е. П. Ростопчиной до настоящего времени не становилась предметом анализа. Между тем исследование этого пространственно-временного континуума позволяет уточнить представление о творческой эволюции писательницы — спорного в литературоведении вопроса. Опираясь на представления о хронотопе и, в частности, степном хронотопе, изложенные в трудах отечественных литературоведов (М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова), авторы статьи доказывают, что образ степи в творчестве Е. П. Ростопчиной динамичен. В аннинский период творчества степь — «безжизненная», «печальная», «безмолвная», чужая и необозримая пустыня, в которой неуютно и одиноко личности, полной физических и духовных сил. В петербургский период возникает образ степи как обжитого пространства, ставшего спасительной «кегель» для чутких и возвышенных натур, утомленных бессмысленным круговоротом светской жизни. Наконец, в поздний московский период появляется символический национальный образ степи, который ассоциируется с вечным русским миром: героическим прошлым России, ее непростым настоящим и простирающимся в бесконечную даль будущим. Опираясь на традиционные трактовки степи, существующие в русской литературе (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский и др.), Е. П. Ростопчина вносит и свои смысловые нюансы в этот образ. Рассмотрение хронотопа степи в его динамике позволяет сделать вывод о том, какой вклад внесла Е. П. Ростопчина в формирование «степного текста» как специфически национального для русской литературы.

Ключевые слова: Е. П. Ростопчина; периодизация творчества; хронотоп; степь; динамика образа; «степной текст»

Цитирование: *Попова М. Ю., Ермоленко С. И.* Динамика образа степи в творчестве Е. П. Ростопчиной // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2023. Т. 25, № 1. С. 27–42. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.002>

Поступила в редакцию: 20.11.2022

Принята к печати: 02.02.2023

Maria Yu. Popova
Svetlana I. Ermolenko
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia

DYNAMICS OF THE IMAGE OF THE STEPPE IN E. P. ROSTOPCHINA'S CREATIVE WORK

The dynamics of the steppe chronotope in the work of E. P. Rostopchina has not been the subject of analysis previously. Meanwhile, the study of this space-time continuum makes it possible to clarify the idea of the creative evolution of the writer which is a controversial issue in literary studies. Based on the ideas about the chronotope and, more particularly, the steppe chronotope set forth in the works of Russian literary critics (M. M. Bakhtin, Yu. M. Lotman, V. N. Toporov), the authors of the article prove that the image of the steppe in E. P. Rostopchina's works is dynamic. During the Anna period of her creative work, the steppe is "lifeless", "sad", "silent", an alien and boundless desert, in which a person full of physical and spiritual strength is uncomfortable and lonely. During the St Petersburg period, the image of the steppe appears as a habitable space that has become a saving "cell" for sensitive and exalted souls tired of the meaningless whirlwind of secular life. Finally, in the late Moscow period, a symbolic national image of the steppe emerges, which is associated with the eternal Russian world: Russia's heroic past, its difficult present, and the future stretching infinitely. Relying on the traditional interpretations of the steppe existing in Russian literature (A. S. Pushkin, N. V. Gogol, P. A. Vyazemsky, etc.), E. P. Rostopchina brings her own semantic nuances to this image. The consideration of the chronotope of the steppe in its dynamics makes it possible to conclude what contribution E. P. Rostopchina made to the formation of the "steppe text" as a specifically national one for Russian literature.

Key words: E. P. Rostopchina; periodisation of creative work; chronotope; steppe; image dynamics; "steppe text"

For citation: Popova, M. Yu., & Ermolenko, S. I. (2023). Dinamika obraza stepi v tvorchestve E. P. Rostopchinoi [Dynamics of the Image of the Steppe in E. P. Rostopchina's Creative Work]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 27–42. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.002>

Submitted: 20.11.2022

Accepted: 02.02.2023

Степь в качестве значимого национального пространства привлекала внимание не только русских писателей, но и историков, философов. Так, академик А. А. Чибилев в своем докладе на международном симпозиуме «Степи Северной Евразии» указывал на историческую значимость степного ландшафта для России и смежных с ней территорий: «Степь на протяжении многих веков была плацдармом для завоевательных походов и ареной малых и крупных сражений <...> ...Битва при степной речке Калке, Куликово Поле, Косово Поле... даже Бородинское и Прохоровское — тоже Поле...» [Чибилев, с. 7].

Об обусловленности характера русских людей спецификой той местности, где они проживают, рассуждал П. Я. Чаадаев, называя русского человека «географическим продуктом обширных пространств» [Чаадаев, с. 160]. По мнению историка В. О. Ключевского, степь, наряду с лесным и речным топосами, «приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» [Ключевский, т. 1, с. 82]. Емко и точно выразил свою мысль о созвучии русского пейзажа и «географии русской души» Н. А. Бердяев: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. <...> В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [Бердяев, с. 64]. Мысли философа перекликаются со словами Ф. М. Достоевского, особенно остро ощущавшего «широту» русского характера. В уста Мити Карамазова писатель вложил и свои задушевные мысли, относящиеся не столько к человеку вообще, сколько именно к русскому человеку: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [Достоевский, с. 100]. Трагическую трактовку соотношения природной широты и русского характера дает А. П. Чехов в письме Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 г.: «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [Чехов, с. 190].

«Степной текст» русской литературы как разновидность локального текста начали изучать относительно недавно. В статье 2011 г. Л. И. Бронская отмечает, что степь стала «образом-символом», определяющим «специфику южнорусского текста» [Бронская, с. 33]. В качестве научной проблемы, по мнению С. В. Бунина, вопрос о существовании «степного текста» как самостоятельного в русской литературе был поставлен лишь в 2015 г. на Шешуковских чтениях [Бунин, с. 13]. Во многом внимание современных ученых к степному пространству подготовлено статьями исследователей, которые еще раньше начали вводить в научный оборот «степную» проблематику [Федотов; Федоров].

Определение термина «степной текст» возникает, вероятно, только в 2021 г. в статье А. А. Сторожевой: «В широком понимании степной текст — это система представлений, связанная с влиянием самобытного степного пространства на человека и культуру и закреплённая в творчестве писателей. Степной текст формируется в определенных исторических условиях, от которых зависит восприятие пространства: дикое, опасное — для древнерусских книжников; пленительное и неизведанное — в творчестве романтиков; символ бескрайней свободы — у реалистов. Со степью связан ряд устойчивых образов, мотивов, тем, мифологем, которые составляют семантическое ядро степного текста» [Сторожева, 2021, с. 157]. Исследовательница анализирует трактовки образа степи на примере произведений разных эпох: древнерусской «Повести об Азовском осажденном сидении донских казаков» (ок. 1641 г.) [Сторожева, 2020], сентиментальных путешествий В. В. Измайлова, П. И. Шаликова, А. И. Левшина

[Сторожева, 2021], произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького и др. [Сторожева, 2019а; 2019б].

Не ставя перед собой задачи теоретического осмысления понятия «степной текст», современные исследователи в своих работах углубляют и расширяют представления о воплощении образа степи в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. А. Блока, А. И. Куприна, Г. Щербаковой [Литовченко; Дубровская; Барковская; и др.]. К таким исследованиям примыкает и наша статья.

Эволюция образа степи в творчестве поэтессы, прозаика и драматурга графини Е. П. Ростопчиной до настоящего времени не становилась предметом анализа. Между тем наблюдение за динамикой степного хронотопа в творчестве писательницы позволит, с нашей точки зрения, понять роль второстепенных авторов в разработке образов, мотивов и тем «степного текста» русской литературы.

20 июня 1833 г., через месяц после свадьбы, Е. П. Ростопчина отправилась в село Анна Бобровского уезда Воронежской губернии¹ вместе со своим молодым мужем графом А. Ф. Ростопчиным — меценатом, библиофилом и коллекционером картин русской и западноевропейской живописи. Со степным аннинским пространством у поэтессы сложились особые отношения. Е. П. Ростопчина провела в Анне немало времени. Начиная с 1833 г. и вплоть до 1838 г. она посещала село весной, летом и осенью (в 1836 г. — и зимой), с 1838 по 1840 г. находилась в Анне безвыездно, родив там троих детей — дочерей Ольгу и Лидию, сына Георгия. После 1842 г. писательница уже не посещала Анну. В 1845 г. из-за материальных проблем А. Ф. Ростопчин продал казне конный завод, а в 1850 г. и само имение.

Воронежская степь стала в судьбе Е. П. Ростопчиной пространством «подлинного существования... точкой отсчета, в котором является сокровенное “Я” как ценностное ядро личности» [Чередниченко, с. 189]. В произведениях писательницы запечатлелись разные варианты переживания степного пространства, наполняющегося в процессе ее творческой эволюции новыми смыслами и значениями.

---

¹ В единственной на сегодня объемной биографии писательницы находим: «Земли и крестьяне села Анна, а также Верхней Тойды и Мосоловки пожалованы Федору Васильевичу Ростопчину, тогда еще не графу, Павлом I. <...> В Анне, где тогда числилось 397 душ мужеского пола, был выстроен барский дом, заложен парк... учрежден конный завод» [Романов, с. 100]. Воронежский краевед П. А. Попов обнаружил подробную опись аннинских жилищ и угодий, составленную в 1835 г., когда земли уже перешли по наследству сыну Ф. В. Ростопчина. В описи имеется информация о том, что во владении младшего Ростопчина содержалось 2 234 души; два деревянных дома и один деревянный флигель; деревянная церковь Рождества Христова; двухэтажный каменный дом; на реке у графа имелись «три водяные мельницы... ветряная мельница... при том же селе конный двор и в оном манеж каменный <...> ...в Верхней Тойде у Ростопчина числился новый господский дом “осинового лесу” и при нем различные хозяйственные постройки и земельные угодья» [Попов, с. 202–203].

Вопрос о периодизации литературной деятельности Е. П. Ростопчиной, основанной на понимании характера ее творческой эволюции, до сих пор остается спорным в науке. Одни ученые [Расторгуева, с. 159; Грибкова; Ранчин, с. 3–4; Шумилина, с. 62] в качестве основания для периодизации выбирают смену литературной репутации писательницы, разделяя все ее творчество на два периода, которые сменяют друг друга в середине 40-х годов XIX в., когда «слава Ростопчиной начала тускнеть» [Грибкова]. Периодизация М. А. Мазаловой [Мазалова] основана на жанровом принципе. Однако, во-первых, исследовательница предпринимает попытку периодизации не всего творчества Е. П. Ростопчиной, а только прозаической его части; во-вторых, учитываются не столько жанровые особенности произведений, сколько своеобразие конфликта и тип главного героя.

Не претендуя на исчерпывающее представление о характере творческой эволюции Е. П. Ростопчиной, предлагаем в качестве рабочей (в кратком изложении) периодизацию, основанную на динамике родо-жанровых приоритетов и стилевых особенностей, обусловленных изменениями в мировоззрении писательницы под влиянием внешних и внутренних факторов, при сохранении верности романтическим принципам изображения.

I. Московский ранний период (1824–1833). Начало творческого пути, преимущественно лирический период ученичества. Авторитеты и учителя: В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Ф. Шиллер, Дж. Байрон. Обращение к традиционным жанрам эпохи романтизма: послание, посвящение, элегия, романс, песня. Завершается творческим кризисом 1833 г., связанным с обстоятельствами личной жизни поэтессы.

II. Аннинский период (1833–1835). Выход из творческого кризиса 1833 г. Сохраняется предпочтительный интерес к лирике, приоритетное положение элегии («унылая» и медитативная) в ряду других лирических жанров. Попытки создания лироэпического произведения (оратория «Нежившая душа», 1835), светских повестей («Поединок», 1835; «Чины и деньги», 1835).

III. Петербургский период (1836–1844). Циклизация как ведущая тенденция в лирике Е. П. Ростопчиной, приводящая к возникновению больших жанровых форм — циклов («Неизвестный роман», 1839; «Уроки жизни», 1841; «My home», 1842). Появляются сходные с лермонтовской поэзией мотивы экзистенциального одиночества личности («Зимний вечер», 1836; «Пустой альбом», 1841). Освоение пушкинской жанровой традиции — работа над романом в стихах «Дневник девушки» (опубл. в 1850 г.). Первый опыт создания драматического произведения («Одаренная», 1841). Душевный и, как следствие, творческий кризис 1844 г.

IV. Поздний московский период (1845–1858). Интенсивность творческой деятельности. Главенствующее положение крупных эпических и драматических жанровых форм — романа («Дневник девушки», «Счастливая женщина», 1851–1852; «Палаццо Форли», 1854; «У пристани», 1857) и драмы («Нелюдимка» — написана в 1849 г., опубл. в 1850 г.; «Семейная тайна» — написана в 1850 г., опубл. в 1851 г.; «Дочь Дон Жуана» — написана в 1853 г., опубл. в 1856 г.;

«Людмила и Люба» — написана в 1853 г., опублик. в 1854 г.). Усиление к концу периода обличительной направленности и морализаторских тенденций: комедия «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. <...> Продолжение комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”» (1856, опубликована посмертно в 1865 г.); поэма «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году. Продолжение воейковского “Дома сумасшедших”» (1858, издана посмертно в 1885 г.). Углубление психологизма в творчестве Е. П. Ростопчиной, преимущественно прозаическом.

Знакомство Е. П. Ростопчиной с воронежским степным ландшафтом приходится на второй период ее творчества. В это время в произведениях поэтессы возникают ранее не упоминавшееся степное пространство и связанные с ним переживания героини ее ранней лирики.

Ю. М. Лотман, размышляя о категории абсолютного «ничто», отмечал: «Решающий признак небытия — отсутствие формы (бесформенность) в аристотелевском и кантонском смысле (т. е. отсутствие структуры, непросветленность, энтропия). Поэтому бесформенное пространство — безграничная степь... — небытие» [Лотман, с. 160]. Именно такое понимание степного ландшафта обнаруживаем в произведениях аннинского периода творчества поэтессы. В стихотворениях «Осенние листья» (1834), «Последний цветок» (1835), «Безнадежность» (1836) степь предстает «печальной», «безмолвной», «безжизненной», «безмерной». Отметим, что такую же семантику обретает образ степи в творчестве А. С. Пушкина. В его стихотворении «Три ключа» (1827) степь изображена как «печальная и безбрежная», что, по мнению М. В. Литовченко, «акцентирует противоречивую сущность этого образа, исполненного внутреннего драматизма» [Литовченко, с. 167].

Степной хронотоп у Е. П. Ростопчиной аннинского периода творчества насыщается дополнительными смысловыми оттенками, которые создаются за счет неявного сопоставления степи с морским пространством (например, в стихотворении «Осенние листья»):

Быть может, вас *волна* возьмет, —
И вас последним призываньем
Младой *утопленник* почтет?...
Быть может, вам и мне судьбою
Уделы равные даны
<...>

И я, как вы, осуждена
Не покидать *степи печальной*, —
В ней изнывать, тоски полна,
Вотще душой стремясь в путь дальний?..

[Ростопчина, 2019, т. I, с. 165–166]

«Разумеется, — пишет В. Н. Топоров, — “родство” моря и степи легко бросается в глаза, и уже поэтому образы этого “родства” нередки и в литературе,

и в народной мифопоэтической словесности. Безбрежность, открытость небу, сознание своей затерянности в огромных пространствах и переживание одиночества... — все эти особенности объединяют море и степь в восприятии человека...» [Топоров, с. 604]. Художественный потенциал безграничных пространств, реализуемый в сопоставлении степи со «степным океаном», «русским морем», современные исследователи обнаруживают и в творчестве других авторов того же историко-литературного периода [см. подробнее: Гуминский, с. 146]. Так, «степной король» русской литературы Н. В. Гоголь (определение А. П. Чехова) в повести «Тарас Бульба» (1835) называет «бесконечную, вольную, прекрасную степь» «зелено-золотым океаном» [Гоголь, с. 58]; А. С. Пушкин в романе «Капитанская дочка» (1836) сравнивает дорогу Петра Гринева в буран по заснеженной степи с «плаванием судна по бурному морю» [Пушкин, с. 297]. Заметно, как разнятся трактовки «степного моря» у перечисленных авторов: трагическая — у Е. П. Ростопчиной (повторим, поэтесса только намекает на сравнение степи с водной стихией), патетически восторженная — у Н. В. Гоголя, драматическая — у А. С. Пушкина.

Однако не только с морем ощутимо «родство» степного хронотопа. Пустыня имеет аналогичные характеристики пространства: протяженная и открытая линия горизонта, пустота и вместе с тем простор. Н. В. Гоголь назовет степь «зеленою девственною пустынею» в повести «Тарас Бульба». Е. П. Ростопчина использует «пустынную» метафорику в стихотворении «Последний цветок»:

Последний цвет облистных полей!
 Не пропадет в *безмерности степей*
 Твой аромат; тебя крылом жестоким
 Не унесет холодный вихрь ночей!

<...>

А я, цветок, в *безвестности пустыни*
 Увяну я...

[Ростопчина, 2019, т. I, с. 193]

Вместе с образом пустыни поэтесса вводит в свои произведения и мотив молчания («Мне суждено под схиною молчанья, / Святой мечты все лучшее стаить...» [Там же, с. 194]).

Е. П. Ростопчина не случайно дает степному пространству столь мрачные характеристики, соотнося степь с глушью, безжизненностью, запустением. Именно в Анне поэтесса, еще вчера блиставшая на балах в московских гостиных, почувствует «давящее» одиночество. Достоинно перенеся день свадьбы, которую Е. А. Сушкова, двоюродная сестра поэтессы, в своем дневнике сравнила с похоронами («Хоронят не девушку, но ее счастье, ее радость, ее невинность» [Сушкова, с. 248]), Е. П. Ростопчина не может справиться с тоской, которая так явно стала ощущаться в аннинском имении. Покинутая родней, подтолкнувшей ее к замужеству, оторванная от света, где удавалось хотя бы ненадолго забыться, и даже оставленная своим супругом, который большую часть своего времени

посвящает английским и аравийским скакунам, — Е. П. Ростопчина переживает первый из трех душевных и творческих кризисов.

На новом этапе творческого пути, в петербургский период, лирическая героиня Е. П. Ростопчиной как бы «осваивает», «обживает» степь, вследствие чего образ степного пространства не кажется уже настолько чужим, безжизненным, безмерным и необозримым. В стихотворениях «Вы вспомните меня» (1838), «Прости, Кавказ!» (1839) появляются слова, отражающие этот процесс «освоения»: «...в своих степях далеко буду я...» [Ростопчина, 2019, т. I, с. 231]; «Пора в обратный путь, к своим степям засохшим...» [Там же, с. 282].

Мотив «степного» молчания сопровождается у Е. П. Ростопчиной образом «степной кельи» («таинственной кельи», «отшельнической кельи») и его вариациями — «обитель», «безвестность пустыни». В связи с этим вспомним, что в качестве второго названия кельи употреблялось слово *пустынька* [см.: Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов, с. 542], а людей, ведущих затворнический или же отшельнический образ жизни, называли «пустынниками» или «пустынножителями».

В «степной келье» лирическая героиня Е. П. Ростопчиной открывает себя. Лирика поэтессы насыщается новыми темами: самопознание («Сломанный дом», 1838), творческое вдохновение («В степи», 1838; «Искушение», 1839), жизненное призвание («Село Анна», 1840). Казалось бы, что общего могут иметь между собой открытое широкое степное пространство и закрытое тесное пространство кельи? Однако пребывание как в степи, так и в келье дает человеку возможность отстраниться от мирской суеты, располагает к размышлениям о жизни и о себе. Именно в таком пространстве может осуществляться процесс духовного перерождения личности.

«...Безбрежное, свободное пространство, — отмечал Ф. П. Федоров, — не знающее не только внешних, но и внутренних границ (оно не рассечено — межами)... противопоставляется пространству цивилизации» [Федоров, с. 8]. Так, в творчестве Е. П. Ростопчиной третьего периода спасительный потенциал степного пространства противостоит губительному воздействию большого света («В степи», 1838):

Вдали от городского шума
Здесь ропот сердца мне слышней,
Свободней пламенная дума,
Мечта отважней и сильней...

[Ростопчина, 2019, т. I, с. 236]

В хронотопическую оппозицию степь — большой свет включена и другая: свобода — неволя. Лирическая героиня стихотворения «Потерянная весна» (1841), находясь в городе, восклицает: «Как жаждала цветов, и солнца, и простора, / И воли средь степей!...» [Ростопчина, 2019, т. II, с. 60].

В этот же петербургский период, обращаясь к образам «келейного локуса» как закрытого пространства, Е. П. Ростопчина использует эпитеты и сравнения,

насыщающие эти образы особым драматизмом. Пространство самопознания, творческого вдохновения, поэтического труда становится теперь то «кельей погребальной», то «одичалой светлицей», то «тюрьмой», «неволей», а то и «немой глушью», «мертвым затишьем». Такого рода определения, перекликаясь с негативными характеристиками степи, встречающимися в стихотворениях аннинского периода, сообщают дисгармоничность степным образам, отражая внутреннюю противоречивость душевного состояния лирической героини.

По верному наблюдению М. М. Бахтина, «все чувства, мысли происходят в пространстве и во времени. В мире все простирается и длится» [Бахтин, с. 169]. Интенсивность переживания в определенном пространстве может способствовать тому, что место, в котором приобретает духовный опыт, становится символическим, нарицательным для личности. Таким нарицательным пространством становится для лирической героини «старая» столица Москва, к которой она возвращается в своих воспоминаниях («В Москву», 1840):

В Москву, в Москву!.. Но *глушь* уединенья
Найду я там, где сиротство мое
Взросло в семье большой... Но в *запустень*
Превращено бывалое житье...

[Ростопчина, 2019, т. I, с. 317]

Безлюдье, отсутствие жизни, застой осознаются поэтессой как отличительные черты московского мира: «О! как *пуста*, о! как *мертва* / Первопрестольная Москва!..» («Вид Москвы», 1840 [Ростопчина, 2019, т. II, с. 14]). Встреча с Москвой вызывает в памяти лирической героини *степное* пространство, каким она увидела его в первый раз. Подтверждение этой мысли находим в письме Е. П. Ростопчиной к В. Ф. Одоевскому (от 15 января 1848 г.): «В прелестной *стени*, называемой первопрестольным градом, нет, решительно нет порядочного инструмента для порядочного мастера» [Ростопчина, 1986, с. 339].

В первые годы московского позднего периода творчества Е. П. Ростопчина создает комедии, в которых степное деревенское пространство уже не противопоставляется столичному, но становится его неудачной копией, средоточием пошлой, мещанской жизни («Ни тот, ни другой», 1853; «Уедет или нет?», 1856). Автор высмеивает жизнь «новых» людей, «пребывающих в пустыне» (т. е. в нижегородской деревне), в комедии «Домашнее уложение» (написана в 1851 г., опубликована в 1852 г.). Главная героиня, молодая вдова Ольгина, вместе со своим женихом пытается составить «уложение» — свод статей, регулирующих свободные брачно-семейные отношения. Одна из них сформулирована так: «Муж и жена остаются вполне свободны, — свободны, в полном смысле слова, избирать свои знакомства, развлечения, отношения...» [Ростопчина, 2020, т. IV, ч. II, с. 10]. Однако как только эти положения начинают реализовываться на практике, оказывается, что никто из них не в силах вынести такой «свободы» противоположного пола.

В романе Е. П. Ростопчиной «У пристани» появляются провинциальные барышни, которые копируют поведение столичных светских львиц и стремятся

покорить Петербург. Второстепенная героиня Поликсена Аркадьевна, не произведя ожидаемого впечатления ни на кого в северной столице, вынуждена вернуться в провинцию, чтобы пополнить ряды «степных щеголих» — «неудачных пародий светской женщины» [Ростопчина, 1857, ч. I, с. 218]. Прежний спасительный потенциал степного пространства подвергается анализу в романе: «Я не верю, — говорит одна из главных героинь романа Сара Волтынская в письме к своей подруге, — чтоб деревня исправляла человека и могла истребить в нем врожденные страсти и наклонности. Она только дает нам меньше далей, но больше простора, меньше поверхности, но больше глубины. Она убивает, она губит всех тех, кто от рождения не свыкся с ее тишиною и безжизненностью, кто не доволен прост... Я всею силою моего женского разума и беспристрастного наблюдения отвергаю то предубеждение, что постоянное житье в глуши полезно образованному, мыслящему и деятельному человеку...» [Ростопчина, 1857, ч. IV, с. 179–180].

Е. П. Ростопчина в 1850-е гг. уже не бывала в Анне и степные воронежские просторы могла только вспоминать. Более того, география ее обитания к этому времени расширилась: в 1845–1847 гг. она с семьей путешествует по странам Европы (Польша, Австрия, Франция, Германия, Италия). И именно отдаленность от родины, встреча с другими пространствами и территориально обусловленными характерами позволили писательнице иначе взглянуть на свое отечество и русский народ.

В романе «Палаццо Форли», написанном во время Крымской войны (1853–1856), повествующем о жизни обедневших потомков некогда знатного итальянского рода, Е. П. Ростопчина противопоставляет флорентийскую Лунг-Арно и петербургскую Неву, используя «степную» метафору: «Особенно дико смотреть на нее (Лунг-Арно. — М. П., С. Е.) взорам северного пришлеца, привыкшего к ослепительной белизне и вечной юности беспрестанно обновляемой наружности петербургских красивых зданий, облегающих исполинскую, широкую, прозрачно-голубую Неву, которая *волнистой и кипящей степью* разлилась при своем устье, будто хочет чуждому немецкому морю дать *громадное понятие о русской родине*, где таятся ее истоки» (курсив наш. — М. П., С. Е.) [Ростопчина, 1993, с. 29]. Так, необозримые степные просторы становятся символом родной земли в последние годы творчества писательницы.

В 1855–1856 гг. на волне патриотического подъема Е. П. Ростопчина создает ряд стихотворений, посвященных событиям и героям Крымской войны. В лирике заключительного периода творчества поднимается тема подвига во имя спасения родной земли, упоминаются войны с половцами и печенегами, татарское нашествие, война 1812 г. Соотнесение степи с полем («поляной»), т. е. территорией военных действий, вызывает в памяти читателя истории о подвигах русского народа (стихотворения «Молитва об ополченных...», 1855; «Алексею Петровичу Ермолову», 1855; «Боярин», 1855; и др.). «Беспредельность степей» и морей становится синонимом «русского мира» для лирической героини «Куплетов» (1856).

Вневременное звучание приобретает «степная» тема у Е. П. Ростопчиной в стихотворении «Русский народ» (1855):

Вотще Литва, Поляки, Немцы
Тебя пытались покорить? —

<...>

Легло в полянах наших снежных
Их много, незваных гостей, —
А Русь все Русь, — и Бог над ней!
Последний след стихий мятежных
Ты смыл и стер с своих степей. —

<...>

Ты любишь избу родовую, —
И сладок дым тебе ея;
Ты пахешь степь свою родную,
Где обжилась твоя семья;

<...>

Вперед идешь ты, Русь святая, —
Вся даль времен перед тобой!..

[Ростопчина, 2019, т. II, с. 342–345]

Большие снежные поляны, родные для русского человека степи, ширь русского пространства соотносятся с «ширью» («далью») временной, стремящейся к бесконечности. Уместно будет вспомнить в этой связи строки из стихотворения П. А. Вяземского «Степь» (1849): «Бесконечная Россия, / Словно вечность на Земле! <...> Тонут время и пространство / В необъятности твоей» [Вяземский, с. 292].

Продолжает Е. П. Ростопчина в последний период сравнивать степь с местом добровольной схимы (драма «Нелюдимка» — написана в 1849 г., опубли. в 1850 г.):

И вот, как исконí, в немую степь
Пустынники бежали, чтоб спастися,
И я спасаюсь...

[Ростопчина, 2020, т. IV, ч. I, с. 39];

спасительным приютом (в драме «Семейная тайна» — написана в 1850 г., опубли. в 1851 г. — главная героиня бежит к тетушке в «степную глушь» от своего деспотичного мужа); простором и волей («Гуссейн-Бей», 1849):

Обману сладостных обетов
Не поддавайся, сын степей!..

[Ростопчина, 2019, т. II, с. 212];

и др.

Итак, степь — пространство уникальное, его открытость и широта таят огромный потенциал для интерпретаций и смыслового наполнения, что в полной мере проявилось в лирике Е. П. Ростопчиной:

...Безжизненная степь —
 Моею жизнью духовной наполнялась,
 Воспоминаньями моими населялась.
 Как тишь в волнах морских, как на пути привал,
 Так деревенский быт в отшельнической келье
 Существование былое прерывал
 И созерцанием столичное веселье,
 Поэзией шум света заменял...

«Село Анна», 1840

[Ростопчина, 2019, т. II, с. 12–13]

Анализ специфически национального хронотопического образа степи в произведениях Е. П. Ростопчиной показывает, что он изменялся на протяжении всего творческого пути писательницы: безжизненная и печальная в аннинский период, освоенная и противопоставленная свету в петербургский период, слепок столичного мира и пространство всей Руси в поздний московский период. Е. П. Ростопчина, с одной стороны, ориентировалась на традиционные интерпретации степи, встречающиеся в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, П. А. Вяземского: степь — морская стихия, степь — пустыня, степь — вневременное пространство русского мира. С другой стороны, в творчестве Е. П. Ростопчиной встречаются и индивидуальные, можно сказать, автобиографические трактовки образа: степь — келья, степь — светлица, степь — приют и Москва — степь. Это позволяет говорить о вкладе писательницы в разработку степного текста русской литературы.

Источники

Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Филос. о-во СССР, 1990.

Вяземский П. А. Стихотворения / сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан ; вступ. ст. Л. Я. Гинзбург. Л. : Сов. писатель, 1986.

Гоголь Н. В. Тарас Бульба // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 14 т. / гл. ред. чл.-кор. АН СССР Н. Л. Мещеряков М. : Акад. наук СССР 1937. Т. 2 : Миргород. С. 39–174.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14 : Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10.

Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1987. Т. 1.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Гослитиздат, 1960. Т. 5 : Романы. Повести. С. 286–411.

Ростопчина Е. П. У пристани // Библиотека для дач, пароходов и железных дорог. СПб., 1857. Т. 587. Ч. I. С. 1–258; Т. 590. Ч. IV. С. 1–184.

Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Романова. М. : Советская Россия, 1986.

Ростопчина Е. П. Палаццо Форли / предисл., подгот. текста, коммент. Е. М. Грибковой. М. : Моск. рабочий, 1993.

Ростопчина Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. и коммент. А. М. Ранчина. М. : Дмитрий Сечин, 2019–2020. Т. 1–4.

Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов // Былины / сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л. : Сов. писатель, 1986. С. 537–545.

Сушкова Е. (Хвостова Е. А.) Записки : 1812–1841. Л. : Academia, 1928.

Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли (1828–1850-е гг.) // Чаадаев П. Я. Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М. : Современник, 1989. С. 135–171.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1975. Т. 2 : Письма, 1887 — сентябрь 1888.

Исследования

Барковская Н. В. Мифологема степи в современной русской прозе // Филология и культура. 2015. № 2. С. 171–175.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975.

Бронская Л. И. Степь как локус южнорусского текста (обоснование темы) // Творчество А. П. Чехова: текст, контекст, интертекст : 150 лет со дня рождения писателя : материалы междунар. науч. конф. / [редкол.: М. Ч. Ларионова (отв. ред.), Н. В. Изотова, Е. В. Маслакова]. Ростов н/Д : Логос, 2011. С. 26–33.

Бунин С. В. Орнитологические образы в «степном тексте» Ивана Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 4. С. 13–16.

Грибкова Е. М. Литературный салон XIX века // О литературе. 05.03.2008. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204719351&archive=1205324210> (дата обращения: 05.11.2021).

Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : ИМЛИ РАН, 2017.

Дубровская С. А. Образ степи в смеховом мире Н. В. Гоголя // Вестник Мордовского университета. 2011. № 1. С. 109–112.

Литовченко М. В. Образ степи в творчестве А. П. Чехова и А. С. Пушкина // Культура и текст. 2005. № 9. С. 166–174.

Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 145–171.

Мазалова М. А. Проза Е. Ростопчиной (проблема жанра) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Тверь, 1999.

Попов П. А. Усадьба Ростопчиных в Анне. Документальные свидетельства и сохранившийся дом // Первые Ростопчинские чтения, 15 декабря 2012 г. Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв. : сб. материалов / сост. В. П. Сергеев. Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2013. С. 200–206.

Ранчин А. М. Евдокия Петровна Ростопчина : очерк жизни и творчества // Ростопчина Е. П. Собр. соч. : в 6 т. / сост., подгот. и коммент. А. М. Ранчина. М. : Дмитрий Сечин, 2019. Т. 1. С. 3–72.

Расторгуева В. С. Поэзия Е. П. Ростопчиной : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Л., 1990.

Романов Б. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование в семи частях. М. : Русский мир, 2017.

Сторожева А. А. «Степной текст» в прозе Н. В. Гоголя и А. П. Чехова: сопоставительный анализ // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019а. № 4. С. 142–152.

Сторожева А. А. Художественное воплощение степи в творчестве А. Я. Полонского // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха : сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. (посвящ. 200-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. А. А. Решетова. Рязань : Изд-во Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина, 2019б. С. 88–94.

Сторожева А. А. Степная мифологема в «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» // Слово. Словесность. Словесник : материалы Межрег. с междунар. участием науч.-практ. конф. преподавателей и студентов / ред.-сост. А. А. Решетова, Т. В. Фодосеева, М. В. Сомова. Рязань : ИП Коняхин Александр Викторович, 2020. С. 97–100.

Сторожева А. А. Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XI всерос. конф., посвящ. памяти проф. Николая Ивановича Прокофьева / под общ. ред. Н. В. Трофимовой. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2021. С. 155–161.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. М. : Прогресс : Культура, 1975.

Федотов Г. П. (Богданов Е.). На поле Куликовом // Современные записки. Париж, 1927. XXXII. С. 419–435.

Федоров Ф. П. Степное пространство в русской литературе // Город, усадьба, дом в русской литературе : сб. науч. ст. / [сост. и науч. ред.: А. Г. Прокофьева, О. М. Скибина, В. Ю. Прокофьева]. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. С. 6–19.

Чередищенко И. П. Переживание в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2010. № 2. С. 188–194.

Чибилев А. А. Степные ландшафты Евразии в исторической ретроспективе // Вопросы степеведения. 2009. № 7. С. 5–9.

Шумилина Н. В. Особенности полифонического лиризма в раннем творчестве Е. П. Ростопчиной // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 62–67.

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Barkovskaya, N. V. (2015). Mifologema stepi v sovremennoi russkoi proze [The Mythologeme of the Steppe in Modern Russian Prose]. *Filologiya i kul'tura*, 2, 171–175.

Bronskaya, L. I. (2011). Step' kak lokus iuzhnorusskogo teksta (obosnovanie temy) [Steppe as a Locus of the South Russian Text (Substantiation of the Topic)]. In M. Ch. Larionova, N. V. Izotova, & E. V. Maslakova (Eds.), *Tvorchestvo A. P. Chehova: tekst, kontekst, intertekst: 150 let so dnia rozhdeniia pisatel'ia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [A. P. Chekhov's Creative Work: Text, Context, Intertext: 150 Years Since the Birth of the Writer: Materials of the International Scholarly Conference] (pp. 26–33). Rostov-on-Don: Logos.

Bunin, S. V. (2020). Ornitologicheskie obrazy v "stepnom tekste" Ivana Bunina [Ornithological Images in Ivan Bunin's "Steppe Text"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 4, 13–16.

Cherednichenko, I. P. (2010). Perezhivanie v ekzistentsial'nom prostranstve [Emotional Experience in Existential Space]. *Gumanitarnii vektor*, 2, 188–194.

Chibilev, A. A. (2009). Stepnye landshtafty Evrazii v istoricheskoi retrospektive [Steppe Landscapes of Eurasia in a Historical Retrospect]. *Voprosy stepovedeniia*, 7, 5–9.

Dubrovskaya, S. A. (2011). Obraz stepi v smekhovom mire N. V. Gogolia [The Image of the Steppe in the Laughing World of N. V. Gogol]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, 1, 109–112.

Fedorov, F. P. (2004). Stepnoe prostranstvo v russkoi literature [Steppe Space in Russian Literature]. In A. G. Prokofyeva, O. M. Skibina, & V. Yu. Prokofyeva (Eds.), *Gorod, usad'ba, dom v russkoi literature: sbornik nauchnykh statei* [City, Manor, and House in Russian Literature: Collection of Scholarly Articles] (pp. 6–19) Orenburg: Izdatel'stvo OGPU.

Fedotov, G. P. (Bogdanov, E.). (1927). Na pole Kulikovom [On the Kulikovo Field]. *Sovremennye zapiski*, XXXII, 419–435.

Gribkova, E. M. (2008). Literaturnyi salon XIX veka [Literary Salon of the 15th Century]. In *O literature* [On Literature]. Retrieved from <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204719351&archive=1205324210>

Guminsky, V. M. (2017). *Russkaia literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian Travel Literature in the World Historical and Cultural Context]. Moscow: IMLI RAN.

Litovchenko, M. V. (2005). Obraz stepi v tvorchestve A. P. Chekhova i A. S. Pushkina [The Image of the Steppe in the Works of A. P. Chekhov and A. S. Pushkin]. *Kul'tura i tekst*, 9, 166–174.

Lotman, Yu. M. (1993). Poeticheskii mir Tiutcheva [Tyutchev's Poetic World]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] (Vol. 3, pp. 145–171). Tallinn: Aleksandra.

Mazalova, M. A. (1990). *Proza E. Rostopchinoi (problema zhanra)* [Prose by E. Rostopchina (the Problem of Genre)] (doctoral dissertation). Tver State University, Tver.

Popov, P. A. (2013). Usad'ba Rostopchinykh v Anne. Dokumental'nye svidetel'stva i sokhranivshisya dom [The Rostopchins' Estate in Anna. Documentary Evidence and the Preserved House]. In V. P. Sergeev (Ed.), *Pervye Rostopchinskie chteniia, 15 dekabria 2012 g. Evdokiia Rostopchina v otechestvennoi kul'ture XIX–XXI vv.* [The First Rostopchin Readings, December 15, 2012. Evdokia Rostopchina in the Russian Culture of the 19th–21st Centuries: Collection of Materials] (pp. 200–206). Voronezh: Voronezhskaia oblastnaia tipografiia.

Ranchin, A. M. (2019). Evdokiia Petrovna Rostopchina: ocherk zhizni i tvorchestva [Evdokia Petrovna Rostopchina: An Essay on Life and Creative Work]. In E. P. Rostopchina, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 1, pp. 3–72). Moscow: Dmitrii Sechin.

Rastorgueva, V. S. (1990). *Pojeziia E. P. Rostopchinoi* [Poetry by E. P. Rostopchina] (doctoral dissertation). A. I. Herzen State Pedagogical Institute, Leningrad.

Romanov, B. (2017). *Poetessa, ili Sud'ba Evdokiia Rostopchinoi: povestvovanie v semi chastiakh* [The Poetess, or the Fate of Evdokia Rostopchina: A Narrative in Seven Parts]. Moscow: Russkii mir.

Shumilina, N. V. (2014). Osobennosti polifonicheskogo lirizma v rannem tvorchestve E. P. Rostopchinoi [Features of Polyphonic Lyricism in the Early Creative Work of E. P. Rostopchina]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 381, 62–67.

Storozheva, A. A. (2019a). “Stepnoi tekst” v proze N. V. Gogolia i A. P. Chekhova: sopostavitel'nyi analiz [“Steppe Text” in the Prose of N. V. Gogol and A. P. Chekhov: Comparative Analysis]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, 4, 142–152.

Storozheva, A. A. (2019b). Khudozhestvennoe voploshchenie stepi v tvorchestve A. Ya. Polonskogo [Artistic Embodiment of the Steppe in the Works of A. Ya. Polonsky]. In A. A. Reshetova (Ed.), *Ya. P. Polonskii: lichnost', tvorchestvo, epokha: sbornik statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (posviashchaetsia 200-letiiu so dnia rozhdeniia poeta)* [Ya. P. Polonsky: Personality, Creative Work, Epoch: A Collection of Articles Based on the Materials of the II International Scholarly and Practical Conference (Dedicated to the Poet's 200th Birthday)] (pp. 88–94). Ryazan: Izdatel'stvo Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina.

Storozheva, A. A. (2020). Stepnaia mifologema v "Povesti ob Azovskom osadnom sidenii donskikh kazakov" [Steppe Mythologeme in the *Tale of the Azov Siege of the Don Cossacks*]. In A. A. Reshetova, T. V. Fodoseeva, & M. V. Somova (Eds.), *Slovo. Slovesnost'. Slovesnik: materialy Mezhtsegiional'noi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov* [Word. Literature. Slovesnik: Materials of the Interregional Scholarly and Practical Conference of Teachers and Students with International Participation] (pp. 97–100). Ryazan: IP Konyakhin Aleksandr Viktorovich.

Storozheva, A. A. (2021). Obraz stepi v sentimental'nykh travelogakh nachala XIX veka [The Image of the Steppe in Sentimental Travelogues of the Early 19th Century]. In N. V. Trofimova (Ed.), *Literatura Drevnei Rusi i Novogo vremeni: materialy XI vserossiiskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora Nikolaia Ivanovicha Prokof'eva* [Literature of Ancient Russia and Modern Times: Materials of the XI All-Russian Conference Dedicated to the Memory of Professor Nikolai Ivanovich Prokofiev] (pp. 155–161). Moscow: Moscow Pedagogical State University.

Toporov, V. N. (1975). *Mif. Ritual. Simvol* [Myth. Ritual. Symbol] (pp. 575–622). Moscow: Progress; Kul'tura.

Попова Мария Юрьевна

ассистент кафедры литературы
и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический
университет
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: pop.masha2014@yandex.ru

Ермоленко Светлана Ивановна,

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический
университет
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: ermolenko-1@mail.ru

Popova, Maria Yurievna

Assistant
Department of Literature
and Methods of its Teaching
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave.,
620017 Ekaterinburg, Russia
Email: pop.masha2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

Ermolenko, Svetlana Ivanovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Literature and Methods
of its Teaching
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave.,
620017 Ekaterinburg, Russia
Email: ermolenko-1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5606-7007>